

THE WALL STREET JOURNAL.

'I Have to Fly in Order to Sing'

By David Mermelstein

Sept. 2, 2009

Dmitri Hvorostovsky, the silver-haired Siberian baritone whose sex appeal is overshadowed only by his ruby-colored singing, always seems to have someplace else to be. Late last month, as he sat for an interview at the stately War Memorial Opera House during a break in rehearsals for Verdi's "Il Trovatore," someplace else meant spending time with his wife and two youngest children.

But the fidgety quality that characterizes Mr. Hvorostovsky when he is not working gets banished when he performs. Whether in solo recitals or in fully staged operas, the singer exudes a smoldering charisma that commands attention and holds it. There are other handsome baritones these days—Nathan Gunn, Rod Gilfry and Thomas Hampson to name but three American singers—but none possesses Mr. Hvorostovsky's exotic allure. And then there's that velvet voice.

At the moment, he is immersed in a role that has occupied much of his time this year: Count di Luna, the villain in "Trovatore" and one of opera's most black-hearted characters. In David McVicar's production, scheduled to open here on Sept. 11, Mr. Hvorostovsky favors cool calculation over moustache twirling, a choice that has won him wide praise.

The baritone, who turns 47 next month, first appeared in this production in February at the Metropolitan Opera in New York, and he sang Luna again in April in a different production at London's Covent Garden. But he maintains that the role does not yet bore him. Working with Nicola Luisotti, the San Francisco Opera's new music director, is partly why.

"This is making a huge effect on my conceptual understanding of the role," Mr. - Hvorostovsky said, rocking in a swivel chair in a cramped conference room prior to meeting his family. "Right from the beginning of rehearsals this was true. Nicola has his

own approach and attitude to Verdi's music, so let's see what's going to be cooked. I'm expecting to make a big step forward in this production."

But no matter who is conducting, the singer varies his routine as a matter of course. "Every performance at the Met, I added and took away—I improved," he said. "I always do, whether it's encouraged or not—especially if it's not. Doing 10 performances exactly the same way is very difficult, at least for me."

Lately, he has been dabbling in pop music of the Andrea Bocelli variety, which is to say amplified, synthesizer-backed sentimental ballads. Such material might enlarge his fan base, but it could also sully a reputation he has spent decades

cultivating.

The project, titled "Déjà Vu," starts in earnest in November, when he gives six concerts in Russia and Ukraine, singing material in Italian, French and Russian written especially for him by Igor Krutoy. He is scheduled to perform a similar program at New York's Radio City Music Hall in March. "It will be me with a huge symphony orchestra and choir," Mr. Hvorostovsky said. "There will also be computerized special effects, like Cirque du Soleil."

Yet the baritone's long-time fans needn't fling themselves from the parapets just yet. "I'm not saying that I'm getting tired of opera," he maintained. "Opera is nice. But I want to do new things. I need to stay excited. I need more challenging projects. Of course, I would never drop opera, because I grew up on the opera stage. What I do in the opera house is what makes my deeds valuable."

This year marks the 20th anniversary of Mr. Hvorostovsky's victory in the Cardiff Singer of the World Competition. (He bested the Welsh bass-baritone Bryn Terfel, another of today's most prominent singers.) "Everything changed after that," he said. "I went from Siberia to traveling around the world and having the luxury of so much choice." He settled in London in 1994 and is now a citizen of both Britain and Russia.

Mr. Hvorostovsky distanced himself from Russian repertory early—the title role in Tchaikovsky's "Eugene Onegin" notwithstanding. His name rarely appears in the landmark series of Russian opera recordings that Valery Gergiev conducted in the 1990s, even though the two prize each other as colleagues. "The Russian tradition is a big part of me, of course, and it may be what I do best," the singer said, "but I'm more cosmopolitan. People say I have an Italian quality to my voice."

Certainly many Italian roles have served him well. In addition to "Trovatore," he is associated with major parts in Verdi's "La Traviata," "Rigoletto," "Un Ballo in Maschera" and "Simon Boccanegra," and he is planning to sing characters of similar stature in the composer's "Ernani," "Macbeth" and "Otello" eventually. But there have been disappointments, too, and the baritone is quick to acknowledge them.

"I did 'Don Giovanni' at the Met seven years ago, but it's not part of my repertory," he said, referring to Mozart's opera. "I also did Donizetti's 'L'Elisir d'Amore' there, which I didn't think was a success for me. So I never did it again."

He especially regrets a break in his relationship with the conductor Riccardo Muti, soon to assume the music directorship of the Chicago Symphony Orchestra. "He seemed to like me, and then something happened and I found myself not in favor any more," recalled Mr. Hvorostovsky. "My career could have turned into something very different if I would have worked with him more."

The singer prefers not to parse his gifts. "It's all part of the same package, and it's always been like that for me since I began," he said. "The balance is important above all, and you rarely see someone who is as balanced as I am. I'm not being egotistical, but it's true. It makes what I do and who I am distinctive."

Mr. Hvorostovsky is right. He stands among the era's great singers thanks to his combination of rich tone, sonic power, thoughtful characterization and physical appeal. And he insists that he cannot sing without integrating all these elements. "I've been taught never to give a single note without putting performance in it," he said. "I cannot just give one note. It has to be connected. I have to fly in order to sing."

«Чтобы петь, я должен летать»

2 сентября 2009 Дэвид Мермелштайн

Дмитрий Хворостовский, седовласый сибирский баритон, чью сексапильность способен затмить лишь его терпкий, как вино, голос, не способен усидеть на месте. Месяц назад, давая интервью в перерыве между репетициями оперы Верди «Трубадур» в величественном здании оперного театра Сан Франциско, Хворостовский рвался домой, к жене и двум маленьким детям.

Однако эта непоседливость, которая обурекает Хворостовского, когда он не работает, исчезает во время выступлений. И на сольных концертах, и в классических оперных постановках свет его индивидуальности настолько ослепителен, что не отвести глаз. На современной сцене есть и другие симпатичные баритоны – достаточно вспомнить американцев Натана Гунна, Рода Гилфри и Томаса Хэмпсона, однако ни один из них не обладает экзотическим шармом Хворостовского, не говоря о его бархатном голосе.

Сейчас Хворостовский поглощен ролью, которой он посвятил почти весь этот год: граф ди Луна, главный злодей в «Трубадуре», один из самых зловещих персонажей оперной сцены. В постановке Дэвида Маквикара, которая пойдет в Сан-Франциско с 11 сентября, ди Луна Хворостовского – воплощение холодного расчета, в отличие от традиционного карикатурного усатого злодея, который уже надоел критикам.

Певец, которому через месяц исполняется 47 лет, впервые спел эту партию в феврале в нью-йоркской «Метрополитен опера», а затем – в апреле в лондонском оперном театре

«Ковент гарден». Однако Хворостовский говорит, что роль не успела ему надоесть. Одна из причин – возможность работать с Николая Луизотти, новым дирижером оперного театра Сан-Франциско.

«Луизотти оказал огромное влияние на мое концептуальное восприятие этой роли, – говорит Хворостовский, в ожидании встречи с семьей раскачиваясь на кресле в тесном зале для пресс-конференций. – Так было с самого начала репетиций. У Николая собственный подход, свое отношение к музыке Верди, так что посмотрим, что получится. Я рассчитываю, что эта постановка для меня станет большим шагом вперед».

Вне зависимости от того, кто стоит за дирижерским пультом, певец легко отходит от привычного исполнения. «На каждом выступлении в «Метрополитен» я что-то добавлял, что-то убирал, я совершенствовался, – говорит Хворостовский. – Я всегда так делаю, особенно когда это не поощряется. Десять совершенно одинаковых выступлений подряд – это очень трудно, по крайней мере, для меня».

В последнее время Хворостовский окунулся с головой в поп-музыку в духе Андреа Бочелли: сентиментальные баллады в сопровождении синтезаторов и электрогитар. Даже если подобные эксперименты принесут ему новых поклонников, репутация, которую Хворостовский десятилетиями культивировал, может оказаться подмоченной.

Проект под названием «Дежавю» в полную силу стартует в ноябре: певец даст шесть концертов в России и на Украине, на которых исполнит произведения на итальянском, французском и русском языках, написанные специально для него Игорем Крутым. В марте аналогичный концерт должен состояться в нью-йоркском мюзик-холле «Радиосити». «Я буду выступать в сопровождении большого симфонического оркестра и хора, – рассказывает Хворостовский. – Будут и компьютерные спецэффекты, как в цирке Cirque du Soleil».

И все же давним поклонникам этого баритона не стоит пока выбрасываться из окон. «Я не говорю, что начал уставать от оперы. Опера это прекрасно. Но я хочу чего-то нового, мне необходим подъем, нужно ставить перед собой новые задачи, Разумеется, я никогда не уйду из оперы, ведь я вырос на оперной сцене. Сделанное мной на оперных подмостках придает ценность моей жизни».

Двадцать лет назад Дмитрий Хворостовский победил в конкурсе Би-Би-Си «Певец мира» в Кардиффе. (Он обошел Брина Терфеля, обладателя баритонального баса из Уэльса, который сегодня также входит в число известных мировых исполнителей). «После этого все изменилось, – рассказывает Хворостовский. – Из Сибири я отправился путешествовать по всему миру, это такая роскошь – иметь широкий выбор». В 1994 году он поселился в Лондоне и теперь имеет двойное российско-британское гражданство.

Хворостовский рано отошел от русского репертуара, несмотря на исполнение ведущей роли в «Евгении Онегине» Чайковского. Его имя редко появляется в культовых оперных записях, которые были сделаны в 1990-х годах под руководством Валерия Гергиева, хотя оба музыканта чрезвычайно высоко ценят друг друга. «Разумеется, русская традиция – это большая часть меня, и может быть, она получается у меня лучше всего. Однако я

космополит, – поясняет Хворостовский. – Некоторые говорят, что в моем голосе есть итальянские нотки».

Несомненно, Хворостовский блистал и в итальянском репертуаре. Кроме «Трубадура», он ассоциируется с заглавными ролями в «Травиате», «Риголетто», «Бале-маскараде» и «Симоне Бокканегра» Верди, а также собирается спеть не меньшие по масштабу партии в таких произведениях композитора, как «Эрнани», «Макбет» и «Отелло». Но удавалось не все, это охотно признает и сам певец.

«Семь лет назад я исполнил Дона Джованни в «Метрополитен», но эта партия не вошла в мой репертуар, – говорит он, имея в виду оперу Моцарта. – Там же я спел в «Любовном напитке» Доницетти, но довольно неудачно, поэтому больше я к нему не возвращался».

Хворостовский особенно жалеет о прерванных отношениях с дирижером Риккардо Мути, который вскоре должен возглавить Чикагский симфонический оркестр. «Сначала я ему нравился, но потом что-то произошло, и я оказался в немилости, – вспоминает Хворостовский. – Если бы я продолжал с ним работать, моя карьера сложилась бы совершенно иначе».

Певец предпочитает не анализировать свои таланты. «С самого начала во мне все неразрывно связано. Самое главное – это равновесие. Редко встретишь такого уравновешенного человека, как я. Это на хвостовство, а чистая правда. Уравновешенность позволяет мне быть самим собой».

Хворостовский прав. Сочетание сильного голоса, богатых интонаций, продуманных образов и привлекательной внешности делают его одним из сильнейших певцов современности. Он утверждает, что не мог бы петь, если бы один из этих элементов отсутствовал. «Меня учили не издавать ни единой ноты в отрыве от целого, – говорит он. – Я и не могу спеть отдельную ноту, она должна быть частью чего-то большего. Чтобы петь, я должен летать».